

Когда их взгляды встретились, Тань Мо вдруг почувствовал, как к его шее прикоснулось что-то ледяное. Он резко выдохнул, прогоняя нахлынувшие двусмысленные мысли, и опустил глаза. Перед ним была рука Лу Иня — его кожа казалась ослепительно белой, почти светящейся.

Лу Инь прижал наручные часы к его шее. Прикосновение холодного стекла и металлического ремешка мгновенно отрезвило Тань Мо, остудив его пыл.

— Не заводись так.

Лу Инь коснулся пальцами его щеки и слегка ущипнул.

Тань Мо, будучи парнем не из застенчивых, ничуть не смутился. Он покорно стоял, позволяя собой играть, и лишь спустя минуту отступил на шаг. Нагловатая усмешка так и не сошла с его лица.

— Довольно, — хмыкнул он.

Только тогда Лу Инь ответил на его прежний вопрос:

— Я этого не сделаю. Можешь верить мне на слово.

— И все же, — Лу Инь сменил тему, и на его лице отразилось искреннее недоумение. — Старшеклассники твоего возраста действительно думают о... ну?

Он не стал договаривать, но Тань Мо понял намек с полуслова.

— Вообще-то, мы ровесники, — парировал он.

Лу Инь направился на второй этаж. Тань Мо последовал за ним тенью, уловив тихое, ворчливое бормотание:

— И откуда в тебе только берется столько неумной энергии...

Тань Мо демонстративно и громко откашлялся.

Услышав это, Лу Инь предпочел промолчать.

Поднявшись к себе и наскоро поужинав, Лу Инь заперся в кабинете. Последние дни выдались сумасшедшими: он разрывался между учебой и делами компании, вел переговоры и вкладывался в несколько перспективных стартапов. Свободного времени у него практически не оставалось.

Посреди груды рабочих отчетов он вдруг заметил новое входящее письмо.

Оно пришло совсем недавно и не имело никакого отношения к бизнесу. Это было личное приглашение на закрытый вечер за подписью Чжао Сипэй. Лу Инь помнил, что так звали мать Цзян Бояня.

В памяти тут же всплыли воспоминания из его прошлой жизни.

Акционерное общество «Далёкая Река», принадлежащее отцу Цзян Бояня, Цзян Шаофэну, как и холдинг «Таньши» под руководством Тань Сыли, входило в сотню крупнейших мировых конгломератов. Его супруга, Чжао Сипэй, пользовалась непререкаемым авторитетом среди светской элиты. Ежегодный Бал Сифу, который она устраивала, считался главным событием сезона для золотой молодежи. Представители высшего общества спали и видели, как бы заполучить туда заветный билет, способный стать для них путевкой в жизнь.

Впрочем, Лу Иня подобные праздники жизни никогда не прельщали. К тому же из-за вражды с Цзян Боянем он давно оказался в черном списке всей местной элиты. И хотя Чжао Сипэй слыла женщиной благоразумной и справедливой, она души не чаяла в своем единственном сыне, а потому никогда не стала бы приглашать того, кто был ему неприятен.

И вот теперь это приглашение преспокойно висело среди его входящих писем.

Лу Инь откинулся на спинку кресла, анализируя события минувшего прошлого. Спустя пару минут он положил ладонь на мышь, навел курсор на кнопку подтверждения и уверенно кликнул «Принять».

— Он принял приглашение.

Увидев автоматическое уведомление на экране телефона, Чжао Сипэй прошла в гостиную и поделилась новостью с сыном, который валялся на диване с приставкой. Цзян Боянь тут же подскочил на месте, а его глаза лихорадочно заблестели.

Последнее время он ходил сам не свой. А когда несколько дней назад вернулся домой со страшными багровыми следами на шее, мать чуть ума не лишилась от страха. Все ее попытки вызвать сына на откровенный разговор закончились ничем.

В этот раз Цзян Боянь впервые сам обратился к ней за помощью, и она, разумеется, с радостью согласилась. Однако, глядя на его бурную реакцию, женщина не удержалась от расспросов:

— Столько лет прошло... С чего вдруг ты решил позвать его? Вы ведь с ним, мягко говоря...

— Мне уже девятнадцать, мам. Я не настолько злопамятный. Прекрати ворошить прошлое, — буркнул он, уходя от прямого ответа.

При каждом слове его горло все еще саднило — следы от пальцев Лу Иня так и не сошли. Но, как ни странно, даже эта боль не рождала в нем прежней глухой злости. Наоборот, все мысли занимало лишь одно желание.

Он отчаянно хотел увидеть его. И поговорить.

С их последней встречи в больнице они виделись только мельком на занятиях. Лу Инь вечно куда-то спешил, оформил разрешение на свободное посещение и практически перестал ночевать в общежитии. Черт его знает, с каким очередным ублюдком он проводит время.

От одной этой мысли внутри все закипало от ревности и злости.

Цзян Боянь раздраженно стиснул зубы и, как бы мать ни пыталась вытянуть из него хоть слово, демонстративно отвернулся, давая понять, что разговор окончен. Чжао Сипэй лишь тяжело вздохнула, понимая, что спорить с ним бесполезно.

Время пролетело незаметно, и наступил день долгожданного приема.

В воскресенье Тань Мо вызвался поехать с Лу Инем в салон красоты в Округе Цинхэ, где тому должны были уложить волосы. Лежа на диване и делая вид, что увлечен телефоном, Тань Мо то и дело бросал косые взгляды на отражение своего спутника в зеркале.

Мягкий свет от ламп гримерного столика окутывал точеный профиль Лу Иня, словно наводя на его кожу легкую золотистую дымку. Тань Мо почувствовал, как сладко заныло в груди. Когда Лу Инь перехватил его взгляд в отражении и едва заметно приподнял бровь, Тань Мо не выдержал. Он отбросил телефон в сторону и поднялся с дивана.

Подойдя ближе, он уперся ладонями в край стола и встал позади, разглядывая их общее отражение.

Они были полной противоположностью друг друга. Черты лица Тань Мо казались резкими, хищными — в его взгляде читалась опасная, волчья повадка прирожденного смутьяна. Лу Инь, напротив, обладал безупречной, утонченной красотой, а его вечная холодность лишь подчеркивала аристократическое благородство.

Даже их кожа разительно контрастировала: не то чтобы Тань Мо был смуглым, но фарфоровая бледность Лу Иня в ярких лучах софитов казалась почти прозрачной.

Заметив это, Тань Мо тихо хмыкнул. Он еще немного полюбовался этой картиной, а затем придвинул стул и устроился рядом, терпеливо дожидаясь, пока стилист закончит работу.

Обычно Лу Инь носил гладкие прямые волосы, но сегодня мастер слегка завил их плойкой и уложил в художественном беспорядке. Это разительно меняло его привычный строгий образ.

Глядя на эти непослушные пряди, Тань Мо почувствовал непреодолимое желание запустить в них пальцы.

Когда стилист удалился, Лу Инь принялся поправлять праздничный костюм. Ему редко доводилось носить дымчато-синий цвет, хотя этот оттенок изумительно подчеркивал его бледность. Поправив узел галстука, он скользнул взглядом по часам — половина пятого. Пора было ехать.

Тань Мо мягко уложил ладонь ему на плечо, удерживая на месте, и спросил еще раз:

— Точно не хочешь, чтобы я поехал с тобой?

На самом деле приглашение прислали и ему, но дедушка сразу же вежливо отказался от его имени. До того как Тань Мо узнал о планах Лу Иня, светские рауты вызывали у него лишь зевоту.

— Я сам со всем справлюсь, — покачал головой Лу Инь.

Тань Мо прищурился:

— Переживаешь, что я сцеплюсь с Цзян Боянем?

Пришлось признать, что интуиция у этого парня работала безошибочно. Цзян Боянь действительно был главной причиной: Лу Инь не хотел, чтобы Тань Мо сейчас вмешивался в их запутанные счета.

— Да, — прямо ответил он.

Тань Мо наклонился, аккуратно разглаживая едва заметную складку на его лацкане, и тихо проговорил:

— Тебе стоит почаще смотреть на себя в зеркало.

— Зачем? — удивился Лу Инь.

— Чтобы знать, насколько ты чертовски красив.

С этими словами Тань Мо наклонился еще ближе, почти касаясь своими губами его губ. Под его обжигающим взглядом Лу Инь почувствовал себя неловко и попытался отстраниться, но Тань Мо плавно провел большим пальцем по его нижней губе, а затем продемонстрировал испачканную розовым подушечку пальца.

— Тебя что, накрасили?

Лу Инь, который все это время читал рабочую переписку в телефоне, на секунду задумался. Наконец он вспомнил, как стилист что-то бормотал про «необходимость освежить лицо». Розоватый блеск был едва заметен, но от пронизательного взгляда Тань Мо ничего нельзя было скрыть.

Смутившись, Лу Инь потянулся к салфетке, чтобы стереть блеск, но вышло только хуже: губы окрасились в яркий, сочный пунцовый цвет. Тань Мо быстро перехватил его руку.

— Хватит, — хрипло выдохнул он, не в силах отвести взгляд от его влажных, раскрасневшихся губ.

Ровно в шестнадцать тридцать Лу Инь вышел из салона и сел в машину.

Прием проходил в Международном отеле Облачного Моря — самом престижном отеле Цинхэ. Лу Инь прибыл, когда гости уже были в сборе. Взяв бокал с шампанским из хрустальной пирамиды, он отыскал незаметный столик в стороне и сел.

Даже просто сидя в углу, он приковывал к себе взгляды — безупречная осанка и холодная грация выделяли его из толпы. Несколько человек порывались подойти к нему, но вовремя вспоминали о его давней вражде с Цзян Боянем. Поскольку бал организовывала семья Цзян, портить отношения с хозяевами праздника ради сомнительного знакомства никто не решился.

Вокруг его столика образовался своеобразный вакуум.

Лу Инь неторопливо потягивал напиток, ничуть не заботясь о демонстративном игнорировании. Его взгляд скользил по залу в поисках конкретного человека — Ло Вэньтуна, ради которого он и явился на этот вечер.

Ло Вэньтун был младшим сыном влиятельного семейства Ло. В его прошлой жизни этот парень стал ведущим инженером в Технологической компании Безопасного Пути, верным соратником и, пожалуй, единственным настоящим другом.

На другом конце зала, в окружении золотой молодежи, стоял Цзян Боянь. Подле него, преданно заглядывая в глаза, крутился Сун Ян.

Цзян Боянь не сводил с Лу Иня глаз с той самой секунды, как тот переступил порог отеля. Он до безумия хотел подойти к нему, заговорить, но не находил подходящего предлога, да и лишнее внимание толпы его останавливало.

Настроение и без того было скверным, а тут еще приятели рядом завели свои глупые сплетни.

— Зачем ты вообще его позвал?

— Да ладно тебе, у нашего брата Цзяна наверняка припасен какой-то хитрый план. Правда, Боянь?

Цзян Боянь молчал, процеживая ярость сквозь зубы. Его раздражение росло с каждой секундой. Масла в огонь подливал и Сун Ян, который так навязчиво прижимался к его плечу, будто демонстрировал свои права.

Раньше его это не заботило, но сейчас прикосновения Сун Яна вызывали лишь брезгливость. Ему дико хотелось сорвать с себя дорогой пиджак только потому, что до него дотронулись эти руки.

Разговоры за спиной не утихали.

— Гляньте, как на него те парни пялятся. Похоже, все не прочь за ним приударить.

— Да уж, этот павлин своего не упустит. Грязный тип.

Грудь Цзян Бояня тяжело вздымалась. Слушать эту грязь в адрес Лу Иня было выше его сил.

И в то же мгновение его будто хлестнуло наотмашь: ведь он сам когда-то говорил точно так же.

Он отпускал шутки куда грязнее и подлее. Когда Лу Инь признался семье в своей ориентации, Цзян Боянь со своей свитой пьянствовал в клубе. Услышав сплетню от Сун Яна, он во всеуслышание, глумясь, выкрикнул на весь зал:

«Да такое бревно как Лу Инь в постели — тоска смертная!»

«Интересно, сколько мужиков его уже поймали? Фу, какая грязь!»

Волна удушающей ярости затопила разум. Он сам не понимал, на кого злится больше — на этих прихвостней или на собственное прошлое «я». Терпение лопнуло. Цзян Боянь резко оттолкнул Сун Яна. Тот покачнулся и едва удержался на ногах, ухватившись за подбежавшего друга.

Прежде чем перепуганный Сун Ян успел издать хоть звук, Цзян Боянь процедил сквозь зубы:

— Не смейте устраивать балаган на приеме моей матери.

Его тяжелый, звериный взгляд заставил всех заткнуться.

Лу Инь довольно быстро разыскал Ло Вэньтуна в толпе. В прошлой жизни их пути пересеклись значительно позже, но теперь, благодаря эффекту бабочки, они встретились раньше срока. Лу Инь непринужденно завязал разговор, и вскоре они уже увлеченно беседовали.

Обменявшись визитками, Ло Вэньтун убрал телефон в карман. Его взгляд скользил за плечо Лу Иня, задержался там на мгновение, после чего парень усмехнулся:

— Знаешь, почему к тебе за весь вечер так никто и не подошел?

Лу Инь едва заметно кивнул, предлагая собеседнику продолжить.

Ло Вэньтун кивнул в сторону зала:

— Вон тот цербер. Цзян Боянь.

Лу Иню не нужно было оборачиваться. Он и без этого кожей ощущал обжигающий, полный ревнивой обиды взгляд, упершийся ему в лопатки.

Цзян Боянь стоял неподалеку. В отличие от Лу Иня, оставшегося в гордом одиночестве, хозяйина вечера облепила толпа подхалимов. Но тот выглядел мрачнее тучи: высокомерно игнорировал лстивые речи, натягивал фальшивую ухмылку и буравил глазами спину Лу Иня.

— Это не имеет значения, — равнодушно бросил Лу Инь.

— Он что, влюблен в тебя? — с любопытством спросил Ло Вэньтун.

Лу Инь сделал глоток шампанского:

— С чего такие выводы?

— За те пятнадцать минут, что мы беседуем, — Ло Вэньтун сверился с наручными часами, — этот парень посмотрел в нашу сторону не меньше семи раз. Жаль, ты не видишь его физиономию. Он выглядит так, словно мечтает меня...

Собеседник выразительно провел ребром ладони по горлу:

—...прирезать прямо здесь.

— И если честно, — добавил он, — я заметил это еще в самом начале вечера. Стоило кому-то приблизиться к тебе ближе чем на метр, как Цзян Боянь буквально зеленел от злости.

— Его многие боятся, — отозвался Лу Инь.

— Наши родители дружат, так что мне бояться нечего, — отмахнулся Ло Вэньтун. — Окружающие, наверное, думают, что он пытается выставить тебя изгоем. Глупцы. Им и в голову не приходит, что он просто сходит по тебе с ума.

Мелодия в зале сменилась — зазвучал нежный, тягучий вальс.

— Красивая музыка, — оценил Ло Вэньтун. Он шутливо покосился на изнывающего от ревности Цзян Бояня и, забавляясь ситуацией, заговорщицки наклонился к самому уху Лу Иня.

— Спорим на что угодно: он не продержится и минуты. Ставлю сто баксов, что он сейчас примчится нас разнимать.

Лу Инь мельком оглянулся, но ответить не успел — спор разрешился сам собой. У Цзян Бояня окончательно сдали нервы.

Увидев, как Ло Вэньтун шепчет что-то Лу Иню на ухо, он почернел от ярости и стремительно двинулся к ним. Пытаясь сохранить светское приличие, он нацепил дежурную маску радушного хозяина, хотя бешено бьющийся пульс на шее выдавал его с головой.

— Ло Вэньтун, о чем секретничаете? Поделитесь с общественностью, — процедил он, бесцеремонно вклиниваясь между ними.

А затем перевел тяжелый взгляд на Лу Иня:

— Мне безумно любопытно.

— Это личное, — отрезал Лу Инь.

Цзян Боянь поперхнулся от такой наглости:

— А я вообще-то не у тебя спрашивал!

Ло Вэньтун лишь рассмеялся и повернулся к Лу Иню:

— Какой навязчивый юноша. Давай отойдем в другое место?

Лу Инь согласно кивнул и двинулся мимо Цзян Бояня.

Игнорирование больно ударило по самолюбию Цзян Бояня. Не в силах вынести этот ледяной тон, он прошипел:

— Стоять.

Но Лу Инь даже не обернулся. Вспыльчивый нрав, который Цзян Боянь так отчаянно пытался обуздать весь вечер, взял верх. Он рванулся вперед, чтобы грубо схватить Лу Иня за плечо, но в последнюю секунду передумал. Хищно прищурившись, он сделал резкое движение рукой и «случайно» выплеснул бокал шампанского прямо на безупречный дымчато-синий костюм Лу Иня.

Звонкий щелчок разбитого хрусталя эхом разнесся по залу.

Роскошный бокал выскользнул из его пальцев и разлетелся на мелкие осколки у ног Лу Иня. Светло-золотистая жидкость расплзлась уродливым мокрым пятном по дорогой ткани пиджака и тонкими струйками побежала вниз, капая на лакированные туфли.

Музыка продолжала играть, но гости вокруг застыли, словно кто-то нажал на паузу.

— О боже...

Чей-то приглушенный вздох нарушил мертвую тишину. В ту же секунду по залу прокатился шепот изумления. К пострадавшему тут же подскочил взволнованный официант, протягивая белоснежное полотенце.

Лу Инь молча забросил полотенце и принялся аккуратно промокать влажную ткань.

Только сейчас Цзян Боянь осознал, что натворил. В душе шевельнулось неприятное чувство вины.

Им двигала лишь слепая ревность и глупое желание удержать Лу Иня рядом, а ледяное пренебрежение окончательно лишило рассудка. Теперь, когда первый порыв гнева утих, он растерянно смотрел на лужицу шампанского у ног своего соперника и нервно покусывал губы.

На самом деле он вовсе не хотел унижить его перед всеми.

Шампанское мгновенно впиталось в ткань, добравшись до сорочки. Лу Инь вернул полотенце официанту и смерил Цзян Бояня абсолютно равнодушным, пустым взглядом. Под этим взглядом спесь с виновника торжества окончательно слетела. Он неловко кашлянул и выдавил из себя подобие извинения:

— Рука сорвалась... Ладно тебе, я куплю тебе новый костюм, идет?

В глазах Лу Иня застыл могильный холод. Мокрая рубашка неприятно липла к телу, вызывая раздражение. Не удостоив Цзян Бояня ответом — да и назвать его бормотание извинением язык бы не повернулся, — он развернулся и в сопровождении администратора направился к вип-гардеробной.

За его спиной тут же возобновился приглушенный гул голосов.

Цзян Боянь порывался пойти за ним, сделал пару шагов, но замер на месте. Внутренние противоречия раздирали его на части. В растрепанных чувствах он резко развернулся и зашагал прочь из зала.

Администрация отеля всегда держала наготове несколько комплектов брендовой одежды на случай подобных казусов. Лу Инь без труда нашел сорочку своего размера. Прежде чем надеть ее, он придирчиво изучил ярлык с составом. Убедившись, что это стопроцентный натуральный шелк, он наконец переоделся.

Однако предпринятые меры предосторожности не помогли — уже через несколько минут кожу на руках начало нестерпимо саднить.

Хотя вещь была абсолютно новой, со всеми бирками, чувствительный эпидермис Лу Иня отреагировал мгновенно. Его кожа с самого детства отличалась капризным нравом: малейшая синтетическая примесь или химическая пропитка новой ткани вызывали сильнейшую крапивницу.

Тань Мо обожал тактильный контакт и постоянно норовил приобнять его или затискать. Однажды из-за жесткой футболки Тань Мо у Лу Иня по всему телу пошла страшная сыпь. С тех пор Тань Мо маниакально проверял состав любой покупаемой вещи, чтобы случайно не спровоцировать у друга приступ при обьятиях.

Чувствуя, как зуд подступает к шее, Лу Инь достал телефон и набрал знакомый номер.

Тань Мо ответил почти сразу. Он явно был посреди тренировки: тяжелое, хриплое дыхание после изнурительного жима лежа так и сочилось первобытной мужественностью.

Отложив гриф штанги, он хрипло спросил:

— Что-то случилось?

Лу Инь провел пальцами по горлу и слегка оттянул ворот сорочки перед зеркалом. Кожа заметно порозовела, на ней проступали мелкие зудящие пятна.

— Я надел новую рубашку, — негромко сказал он. — Кажется, начинается аллергия.

Тань Мо прекрасно помнил, какими мучениями это грозит. В трубке слышались быстрые шаги — он уже бежал к выходу из спортзала.

— Жди меня. Я еду. Буду через двадцать минут.

— Хорошо, — Лу Инь прикинул расстояние от Округа Цинхэ до отеля.

Повесив трубку, он вышел в безлюдный коридор. Его взгляд потемнел.

«Двадцать минут... Более чем достаточно».

Он вернулся на этаж, где гремел праздник. Цзян Боянь в общем зале не было. Пройдя по гостевой галерее, Лу Инь остановился у дверей одной из вип-комнат отдыха.

Дверь была слегка приоткрыта. Из узкой щели лился мягкий свет, а вместе с ним доносились взрывы издевательского хохота.

— Жаль, я не видел этого триумфа!

— О да, лицо у Лу Иня было — краше в гроб кладут! Так обоссаться при всех! — подлизывался кто-то из компании.

— Черт, знал бы, что намечается такое шоу, ни за что бы не ушел курить!

Сквозь мерзкий гогот слышался еле слышимый голосок Сун Яна:

— Ну правда, этот Лу Инь всегда вел себя невыносимо. Так ему и надо.

Цзян Боянь сидел на диване, закинув ногу на ногу. Он выглядел раздраженным и угрюмым, тупо уставившись в угол комнаты и яростно сжимая челюсти. На его лице не было и тени триумфа.

Прихвостни решили, что он переживает из-за возможного нахлобучивания от матери, и постепенно попритихли.

В этот момент Лу Инь толкнул дверь и вошел.

Цзян Боянь вскинул голову. Увидев вошедшего, он дернулся было встать, но вовремя спохватился и заставил себя остаться в кресле.

Пока он сидел здесь один, он успел перебрать в голове сотню вариантов извинений. Но реальность безжалостно растоптала его благие намерения. Язык у Цзян Бояня всегда плелся позади его истинных чувств, а гордость не позволяла показать слабость. Он напустил на себя надменный вид и грубо выдавил:

— Тебе чего здесь надо?

Лу Инь молча приблизился к дивану. Его ледяной, изучающий взгляд скользнул по лицу Цзян Бояня сверху вниз. По спине того мгновенно пробежал мощный электрический разряд.

— А мне запрещено здесь находиться? — тихо спросил Лу Инь.

Этот замораживающий тон привел Цзян Бояня в чувство. Он облизал пересохшие губы, собираясь ответить что-то более примирительное.

Но слова так и застряли у него в горле.

Его глаза расширились от шока и недоумения.

Густая багровая струя хлынула ему прямо на макушку. Липкое красное вино потекло по тщательно уложенным волосам, заливая лицо и воротник. Холодный алкоголь обжег кожу, и волна безумной, ослепляющей ярости захлестнула Цзян Бояня.

До него наконец дошло, что происходит, и лицо его окаменело.

Да как этот ублюдок посмел?!

Облить его вином прямо перед его же друзьями!

В комнате воцарилась гробовая тишина. Слышно было лишь то, как тяжело и прерывисто дышит Цзян Боянь. Спустя секунду оцепенения он бешеным зверем вскочил на ноги.

Такого унижения он не испытывал за всю свою жизнь. Никто и никогда не смел поступать с ним так нагло.

Его гордость валялась в грязи, безжалостно растоптанная Лу Инем на глазах у подобострастной свиты. Стекающие по шее липкие капли довели его до безумия. Сквозь слипшиеся мокрые пряди он уставился на Лу Иня позеленевшим от ярости лицом.

— Извинись, — прохрипел он сквозь зубы. — Живо.

Лу Инь даже бровью не повел. В его бокале плескалось еще немного вина. Спокойно полюбовавшись диким зрелищем бьющегося в истерике мажора, он, словно издеваясь, медленно вылил остатки алкоголя ему прямо на лоб. Цзян Боянь лишь шумно и часто задышал, не веря собственным глазам.

Разжав пальцы, Лу Инь небрежно выронил бокал. Хрусталь с оглушительным звоном разбился о паркет, разлетевшись на сотни сверкающих осколков.

Отблеск люстры на гранях битого стекла заставил Цзян Бояня зажмуриться, но он тут же вновь распахнул полные слепой ярости глаза.

Лу Инь брезгливо отряхнул ладони.

— Мне продолжить извиняться? — поинтересовался он холодным тоном.

В комнате повисла звенящая тишина. Даже обычно длинный язык Сун Яна сейчас прилип к гортани от ужаса перед назревающей бойней.

Лу Инь покинул отель, не дожидаясь окончания вечера. Возле главного входа он простоял не больше минуты, как перед ним с визгом затормозил знакомый автомобиль.

Огромный черный внедорожник замер у тротуара. Тань Мо выскочил из салона и быстрыми шагами направился к нему. На ходу он стянул с себя плотную спортивную ветровку и набросил ее Лу Иню на плечи.

— Я так торопился, что забыл захватить что-нибудь из твоих вещей, — взволнованно заговорил Тань Мо. — Придется тебе надеть мою куртку. Надеюсь, ты не против. О составе не переживай, она из чистого гипоаллергенного хлопка, раздражения не будет.

С наступлением осени Тань Мо практически полностью перешел на оверсайз-ветровки и спортивные куртки. Ему невероятно шел этот дерзкий, полууличный стиль: обычно он застегивал молнию до самого подбородка, натягивал бейсболку на глаза и выглядел чертовски привлекательно.

Лу Инь много раз видел его в этом образе, но никогда не думал, что сам примерит его одежду.

Кожа немилосердно чесалась, так что капризничать не приходилось. Лу Инь накинул куртку.

— Спасибо, мне все равно.

Тань Мо крепко обнял его за плечи, собственническим, оберегающим жестом прижимая к себе, и довел до машины. Распахнув пассажирскую дверцу, он тихо скомандовал:

— Переодевайся. Я постою снаружи, прикрою.

Тонированные стекла наглухо скрывали происходящее в салоне. Тань Мо прислонился спиной к двери, терпеливо дожидаясь, пока Лу Инь закончит. Наконец стекло плавно опустилось, и Лу Инь, поправляя растрепанные кудри, негромко произнес:

— Садись.

Куртка на пару размеров больше висела на нем мешком. Ткань еще хранила тепло тела Тань Мо. Поймав на себе его тяжелый, затуманенный взгляд, Лу Инь смутился и поспешно застегнул молнию до упора.

Тань Мо уже занес ногу, собираясь сесть на водительское сиденье, как вдруг замер как вкопанный.

На заднем сиденье аккуратной стопкой лежали брюки от промокшего костюма Лу Иня. А это означало только одно.

Тань Мо медленно повернул голову. Его взгляд намертво приковало к обнаженным, ослепительно белым бедрам Лу Иня.

<http://bllate.org/book/20470/2178201>